

Итак, можно констатировать, что эпоха Реставрации оказала огромное влияние на Дж. Локка. Связь его политической доктрины с событиями этого периода очевидна и несомненна. Процесс формирования конституционной монархии в это время явился одной из основ, на которых сформировалась политическая концепция Дж. Локка.

Список литературы

1. Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. / под ред. Е.А. Косминского и Я.А. Левицкого. Т. II. М: Изд-во АН СССР, 1954.
2. Cobbett W. Parliamentary History of England. V. IV. L., 1808.
3. The Constitutional Documents of the Puritan Revolution. 1625–1660 / ed. by S.R. Gardiner. Oxford, 1936.
4. English Historical Documents / ed. by A. Browning. V. 8. L., 1953.
5. Kenyon J.P. The Stuart Constitution. 1603–1688. Documents and Commentary. Cambridge: The univ. press, 1966.
6. Locke J. Two Treatises of Government // Locke J. The works. V. II. L., 1751.
7. Select Documents of English Constitutional History / ed. by G.B. Adams and H.M. Stephens. N.Y., 1935.
8. Select Statutes, Cases and Documents. 1660–1832 / ed. by C.G. Robertson. L., 1935.

* * *

1. Anglijskaja buržuaznaja revolucija XVII veka: v 2 t. / pod red. E.A. Kosminskogo i Ja.A. Levickogo. T. II. M: Izd-vo AN SSSR, 1954.

Period of the Stuarts monarchy restoration and its reflection in the political conception by John Locke

There are considered the ideas of a famous English philosopher John Locke. There is analyzed the connection between the events and the processes of the epoch of the Stuarts monarchy restoration and the political doctrine by J. Locke.

Key words: *England, John Locke, the Stuarts, restoration, political conception.*

(Статья поступила в редакцию 01.02.2016)

И.К. КИМ
(Волгоград)

О ПРЕБЫВАНИИ В ВОЕННОЙ ТЮРЬМЕ В БРЕСТЕ ДЕЯТЕЛЕЙ ПОЛЬСКОЙ ОППОЗИЦИИ В 1930 г.

Представлены обстоятельства ареста, пребывания и освобождения из Брестской тюрьмы деятелей польской оппозиции в период предвыборной кампании в парламент в сентябре–ноябре 1930 г.

Ключевые слова: *история Польши, режим санации (sanacja regime), политические партии.*

В ночь с 9 на 10 сентября 1930 г. в условиях начавшейся предвыборной кампании в парламент был арестован ряд видных деятелей оппозиционных партий, которые более чем на два месяца были помещены в военную тюрьму в Брестской крепости. Им были предъявлены обвинения в государственных преступлениях, проведено следствие, завершившееся судебным процессом на рубеже 1931-го и 1932 гг. над частью арестованных. Эти события были названы «Брест» или «брестское дело», а прошедшие под знаком арестов выборы – «брестскими».

Польские историки неоднократно обращались к этой теме, давая разные оценки этим событиям. В отечественной историографии имеются лишь краткие упоминания о «брестском» деле. Статья посвящена обстоятельствам ареста, пребывания и освобождения из Брестской тюрьмы деятелей польской оппозиции в сентябре–ноябре 1930 г. Документальной основой исследования стали свидетельства непосредственных участников: бывших узников [1–4] и представителей властей [5], а также опубликованные архивные материалы и сборник «Брестское дело» [6; 7].

В результате майского переворота 1926 г. в Польше к власти пришёл возглавляемый Ю. Пилсудским лагерь санации, который после выборов 1928 г., получив относительное большинство в парламенте, взял курс на преобразование парламентско-демократического режима в авторитарный. Это встречало растущий отпор оппозиции, сдерживавшийся её неоднородностью. Санационному Беспар-

тийному блоку сотрудничества с правительством (ББВР) противостояли: правонационалистическое Стронництво народове (СН), центристские Польское стронництво христианской демократии (ПСХД) и Национальная рабочая партия (НПР), а также людовский (крестьянский) «Пяст», левые людовские «Вызволене» и Стронництво хлопске (СХ), а также Польская социалистическая партия (ППС). Осенью 1929 г. в Сейме оформилась коалиция шести левых и центристских партий «Центролев». К лету 1930 г. Центролев перешёл к внепарламентским массовым легальным методам борьбы, организовав в Кракове свой конгресс, принявший жёсткие резолюции с осуждением диктатуры Пилсудского.

После Краковского конгресса началось следствие против его организаторов. 22 августа в узком кругу соратников Пилсудский сообщил о намерении, встав во главе правительства, распустить Сейм и произвести «арест ряда бывших депутатов». Подписать приказ об аресте вызвался министр внутренних дел Ф.С. Складковский, что было превышением его полномочий. Список депутатов, в отношении которых велось следствие, был представлен МВД, и насчитывал более 100 фамилий. 1 сентября в списке Пилсудский «собственнолично, зелёным карандашом отмечает, кто должен быть арестован и заточён в Бресте» [5, s. 97–98, 104]. Министр юстиции С. Цар, будучи обеспокоенный размахом репрессий, убедил Пилсудского ограничить количество арестованных [8, s. 125].

Пилсудский 25 августа возглавил правительство, сохранив пост военного министра, 30 августа досрочно был распущен парламент и на ноябрь были назначены новые выборы. Интервью Пилсудского «Газете польской» на рубеже августа–сентября предвещали обострение курса санации в отношении парламента и оппозиции. Им были высказаны сомнения «в какой-либо ценности т. н. демократических понятий, и ещё меньше в ценности т. н. парламентаризма», депутаты были названы «обычной падалью», а их взгляды – «абберрацией мышления», нападкам подвергся «Центролев» [9, 27 sierpnia, 7 września]. 10 сентября на заседании Совета министров Пилсудский заявил: «Не могу вынести, чтобы такая банда бывших депутатов была ненаказуема и портила нравственность Польши... Эта безнаказанность этого проклятого быдла портит всё Государство... Застрелю их как собак, если суды их не осудят...» [5, s. 106].

Пять партий «Центролева» (кроме ПСХД) 9 сентября приняли решение преобразовать его в предвыборный блок, который, как утверждалось в его обращении к избирателям, создан «в целях полной и окончательной ликвидации диктатуры Юзефа Пилсудского, в целях полной и окончательной ликвидации “послемайской” системы правления, возвращения во всей полноте действия Конституции и Закона, победы демократии и превращения Народа в хозяина в своей стране» [10]. Вслед за этим и последовали аресты деятелей оппозиции.

11 сентября пресса опубликовала официальное сообщение о том, что 10 сентября после прекращения действия иммунитета был задержан ряд бывших депутатов, совершивших «преступления как уголовной природы (кражи, мошенничество, присвоение и т. п.), так и политической природы (стрельба в полицию, призывы к насилию и неповиновению властям, антигосударственные выступления и т. п.)» [9, 11 września]. 13 сентября в официальном сообщении приводились фамилии задержанных: Н. Барлицкий, А. Цёлкош, С. Дюбуа, Х. Либерман, М. Мастек, А. Прагер (ППС), К. Багиньский, Ю. Путек («Вызволене»), А. Савицкий (СХ), В. Керник, В. Витос («Пяст»), К. Попель (НПР) от партий «Центролева», а также Ю. Бацмага (ББВР) и пять украинцев, в отношении которых следственный судья применил арест [Там же, 13 września]. К ним добавились Я. Квятковский и А. Дембский (СН), а 26 сентября после роспуска Силезского Сейма был арестован В. Корфанты (ПСХД), против которого была начата следствие «о совершении преступлений уголовной и политической природы» [Там же, 27 września]. Арестованные представляли все основные партии оппозиции, в том числе не входившие в «Центролев». Часть их была членами комиссии, расследовавшей нарушения санацией закона на выборах 1928 г., а обвинителем в Сейме по этому делу был Либерман. Личными врагами Пилсудского были Корфанты и Попель. Арест украинцев был связан с готовившейся пацификацией Восточной Галиции. Представитель ББВР Бацмага обвинялся в растрате средств из кассы гмины в размере 11 тыс. злотых, и его арест должен был создать видимость объективности действий властей [8, s. 109–111].

К рубежу августа–сентября 1930 г. было выбрано и оборудовано место заключения – военная следственная тюрьма № 9 в Бресте, в которой был создан «специальный отдел». Его комендантом был назначен полковник

В. Костек-Бернацкий, командир 38-го пехотного полка. В отчёте комиссии в эмиграции в 1945 г., изучавшей причины поражения Польши в войне с Германией, ему дана негативная характеристика: «... человек в высшей степени заносчивый и бездарный, не принимал никогда чужого мнения, если оно не совпадало с его мнением. Закона никогда не признавал... человек без зазрения совести и морали» [11, s. 396–397]. Пилсудский инструктировал Костек-Бернацкого: посаженные в Бресте «должны почувствовать, что они в тюрьме» и что «не могут себя чувствовать в Бресте как герои» [12, s. 717]. На следствии в Польше после войны Костек-Бернацкий сообщил: «От Маршала Пилсудского я устно получил следующие директивы: использовать точно в отношении арестованных режим тамошней следственной тюрьмы, обеспечить хорошо извне, чтобы не удалось никому сбежать или же чтобы не удалось отбить заключённых с внешней стороны демонстрирующим населением», чтобы «показать, что ни политическое влияние, ни деньги не могут никого защитить перед уголовной ответственностью» [11, s. 151]. В Брест были откомандированы 30 военных и полицейских со всей Польши. Комендант сообщил им, что в крепости организуется тюрьма для депутатов, которые «по приказу Маршала Пилсудского будут посажены в этой тюрьме на какое-то время и удерживаемы в его распоряжении» [8, s. 108].

В докладе для комиссии в 1945 г. описано здание тюрьмы: «Стояло оно в стороне. Внешне окружено валами крепости, на которые была натянута колючая проволока. Кроме того, это здание было окружено стеной. Эту стену по приказу п[о]лк[овника] Костек-Бернацкого сапёры опоясали заграждениями из колючей проволоки, а для того, чтобы сделать невозможным перебраться через стену, сделали ещё дополнительную надстройку из колючей проволоки на самой стене. Пространство между стеной и тюремным зданием представлял собой внутренний двор, в который депутатов выводили на прогулку. Внутри тюрьмы входили через железные ворота в стене, окружающей здание» [Там же].

В ночь с 9 на 10 сентября в Варшаве каждый арест проводили комиссар полиции, полицейский и жандарм. Прагеру комиссар показал документ без номера и даты, подписанный министром Складковским. В нем говорилось: «Приказываю арестовать б[ывшего] депутата Адама Прагера и доставить его к ме-

сту назначения» [4, s. 376]. В гостинице Сейма были арестованы Барлицкий, Путек и Багиньский, причём первый «не хотел открывать двери своей комнаты, их были вынуждены выломать». Дембский «оказывал во время ареста активное сопротивление полиции» [9, 11 września]. Витос был арестован при отъезде из Кракова: «Как только поезд тронулся, в купе вошли четверо мужчин. Один из них был в штатском, другой – в мундире комиссара полиции, третий – полицейского, а последний – военного жандарма». Они не предъявили никаких документов на арест, обыскали и забрали личные вещи, и все сошли на ближайшей станции [3, s. 337]. Савицкого в Белостоке 9 сентября поместили в следственный изолятор, отпустили, а затем вновь арестовали [8, s. 212–215].

В запросе в Сейм левых и центристских партий от 16 декабря сообщалось, что арестованных транспортировала полиция и жандармерия, не сообщая места назначения, и вся дорога «проходила среди оскорблений и угроз в адрес арестованных» [6, s. 34]. Прагера вёз «частный автомобиль с закрытым номером» и опущенными шторками [4, s. 377]. Витоса везли более половины дня [3, s. 337–339]. Во время перевозки некоторые арестованные подверглись физическому насилию. Савицкому во время остановки конвоиры приказали копать себе могилу в лесу, а затем избивали прикладами карабинов со словами: «Это тебе, хам, за политику, за Маршала» [8, s. 114]. На остановке конвоиры насильно вывели Либермана в лес и избивали до бесчувственного состояния с выкриками в честь Пилсудского и угрозами: «Сдохнешь, и сейчас мы тебя закопаем». В тюрьме в первое время он не мог «ни лежать, ни сидеть, ни ходить» [2, s. 297–298, 299]. Попель в тюрьме «насчитал на его теле двадцать две раны» [1].

Комендант отчитывался перед Пилсудским о поведении заключённых и применяемых к ним средствах. 10 сентября Костек-Бернацкий рапортовал, что доставленные «ведут себя совершенно спокойно, кажутся очень угнетёнными». Двое были сразу же наказаны за инциденты в дороге: Дембский «во время транспортировки выбил стекло в автомобиле», Бацмага же «во время пути крикнул, что везут “депутата Бацмагу”». «Слабо пытался быть непослушным и выказал некоторую дерзость Багиньский, за что будет наказан», – сообщал Костек-Бернацкий. «Керник и Либерман безуспешно симулируют болезнь, оба не едят, не

хочет есть и Витос» [7, s. 196–197], – добавлял комендант.

Операцию курировал Ю. Бек, адъютант Пилсудского, будущий министр иностранных дел. Либерман по прибытии в тюрьму обнаружил «издалека выглядывавшего из какого-то малого бокового коридора или уборной пана Бека», который «заметив, что его увидели, быстрым движением отпрянул назад». Как позже узнал мемуарист, Бек «сопровождал весь конвой брестских узников самолётом для контроля, поскольку полностью не доверяли комиссарам, сопровождающим узников, опасались, что, однако, авторитет и влияние арестованных депутатов может поколебать энергию сопровождающей их полиции» [2, s. 299].

После прибытия в Брестскую крепость всем арестованным вручалось постановление следственного судьи Я. Деманта. В документе, полученном Витосом, говорилось: судья, «рассмотрев данное расследование после допроса задержанного Витоса Винценты и принимая во внимание, что названный обвиняется в участии в подготовке акции, направленной на свержение существующего Правительства без изменения государственного строя, то есть акции, которая выразилась в организации Конгресса в Кракове, намеченных манифестаций в разных городах Польши, призывов неподчинения властям..., постановил в качестве превентивной меры в отношении Витоса Винценты избрать временный арест, определяя срок этого ареста до дня 9 ноября 1930 г.» [3, s. 345]. 23 октября судья Демант вынес новое постановление, которое в случае Витоса гласило: «...принимая во внимание, что обвиняемому грозит кара тюремного заключения на срок до 10 лет, что из-за характера дела возникает серьёзное опасение, что, будучи освобождённым, обвиняемый мог бы затруднять проведение следствия посредством соглашения со свидетелями, влиять на объективность их показаний, а также мог бы уклониться от следствия и суда..., постановил: ... в отношении Витоса Винценты избрать превентивной мерой временный арест» [Там же, s. 355].

Следственные действия состояли из допросов, на которых судья Демант выяснял роль заключённых в создании и деятельности «Центролева». Витосу задавались вопросы о Краковском конгрессе: «какие функции исполнял, знал ли заранее резолюции, там утверждённые, знал ли о социалистических боевых группах, о сосредоточении у них оружия, пришли ли крестьяне-пастовцы на Конгресс вооружён-

ными, кто на Конгрессе выступал, что говорил и т. п.», акцент делался «на два абзаца резолюции, один – касающийся правительства, другой – президента Мосьцицкого» [Там же, s. 355]. Демант уведомил Прагера на допросе, что тот обвиняется «в попытке свержения правительства с использованием насилия», за что предусматривалось наказание до 10 лет тюрьмы. Обвинения были отвергнуты, поскольку намерением «Центролева» было «свержение этого правительства посредством достижения большинства в будущем Сейме и посредством вызывания в общественном мнении давления на правительство» [4, s. 393].

В отношении гражданских арестованных был применён «наиболее жёсткий военный режим, не применявшийся до сих пор даже для дезертиров», – указывалось в запросе депутатов от левых и центристских партий. За его нарушение применялись «нечеловеческие дисциплинарные наказания» [6, s. 35–36]. Режим основывался на «Регламенте Специального отдела при Военной следственной тюрьме № 9», автором которого был комендант тюрьмы. В нём определялись распорядок дня заключённых, их поведение, прогулки, участие в «административно-хозяйственных работах». Запрещались все контакты с внешним миром. В пункте о дисциплинарных наказаниях говорилось: «За всяческие нарушения и повинности могут быть наложены следующие наказания: 1) Пост на хлебе и воде до 21 дня, 2) Твёрдая постель до 28 дней, 3) Заключение в одиночестве в камере до 21 дня, 4) Карцер до 14 дней» [7, s. 202–203].

Костек-Бернацкий докладывал Пилсудскому об эффективности режима: «Арестованные ведут себя дисциплинированно и покорно. Самые мельчайшие проявления несубординации или нежелания искореняются беспощадно, ныне совсем не повторяются... Однако думаю, что ни в чём нельзя смягчить дисциплину, вопреки мнению министра Цара». Последний пытался смягчить режим для заключённых, в частности, считая их «политическими», не разрешил выдать им арестантские одежды. Комендант же утверждал, что послабления режима «очень подняли дух арестованных» [Там же, s. 198, 199, 204].

Комендант в тюрьме был высшей инстанцией. На просьбу Либермана к судье обратиться к прокурору Костек-Бернацкий заявил, что сначала надо обратиться к нему, судья же «беспомощно молчал и на категорическое утверждение коменданта не отреагировал» [2, s. 302].

Большинство просьб заключённых комендантом отвергалось. Например, Кернику было отказано в замене сокамерника и освобождении от чистки клозетов. Витосу было отказано в предоставлении бумаги и карандаша, чтобы писать воспоминания о прежних временах [7, s. 201, 204]. Лишь в исключительных случаях тюремный режим смягчался: сильно избитому Либерману на первых порах были даны «небольшие необходимые льготы: лежание днём, невставание при входе офицера и т. д.» [Там же, s. 198]. Положение заключённых Костек-Бернацкий представлял Пилсудскому как удовлетворительное: «При сегодняшнем обычном периодическом официальном контроле ни один из арестованных не жаловался на плохое отношение к нему, несмотря на мои чёткие вопросы, не обижает ли кого персонал. В целом имел только одну жалобу на отсутствие сахара в утреннем кофе» [Там же, s. 201].

По регламенту заключённые проводили «административно-хозяйственные работы», граничившие с моральными и физическими издевательствами. В парламентском запросе партий «Центролева» сообщалось, что бывший премьер Витос, адвокат Либерман, профессор Прагер и другие «использовались для чистки тряпкой или веником, а тем самым почти голыми руками отхожих мест, для мытья полов и коридоров под надзором солдат до такого уровня, что, не привыкшие к таким работам, они просто теряли сознание». Либерман во время такого рода работ пережил сердечный приступ [6, s. 35–36].

Самым тяжёлым для арестованных были физические и моральные унижения. В запросе левых и центристских депутатов Сейма описывалось избивание Попеля, упоминались избивания Багиньского и Корфанты, физическое насилие над Путеком и Барлицким [Там же, s. 36–37]. Витос в мемуарах описал издевательства тюремного персонала над Либерманом, который в результате этого оказался на грани смерти, и над другими заключёнными [3, s. 346–353]. Либерман в мемуарах передавал рассказ Дембского: «Однажды ночью его одного переместили в нижние казематы. ... На вторую или третью ночь в полной темноте ворвались в камеру несколько личностей и, стянув с кровати, били его, терзали и кололи железными прутьями долгое время. Пытающие его палачи требовали раскрытия тайн Национальной Демократии, обещая, что пытки прекратятся, если он это требование удовлетворит. Это повторялось каждую ночь в течение

восьми дней. В пятую и шестую ночь операция ужесточилась. ... По описаниям Дембского, мучение было страшным. Потерявшего сознание, его потом оставляли без всякой помощи. Самым страшным для него была неуверенность в завтрашнем дне, поскольку в каждый следующий день он вынужден был ожидать нового визита своих палачей и возобновления жестоких пыток» [2, s. 321]. Мучительными были еженедельные бритьё и стрижка наголо «по гигиеническим соображениям», после чего Витос, по оценке Костек-Бернацкого, помолодел «на 20 лет» [7, s. 198, 201]. Сам Витос вспоминал, что «такая операция вызывала слёзы в глазах из-за бритвы, кажется, никогда не затачивавшейся» [3, s. 343–344].

Моральное давление на заключённых выражалось в создании невыносимой атмосферы. Витос вспоминал: «Сразу же после прибытия в Брест меня поразила неслыханная, просто отвратительная холодность всего персонала по отношению к нам, пренебрежение и просто явная ненависть. Ко всем обращались “арестованный” или на “ты”, нас трактовали как последних обычных преступников, к которым ничего на этом свете человеческого не относится. Наиболее неприятным образом нам давали понять, что нас только по милости терпят и только до времени, и в любой момент могут с нами сделать что хотят» [Там же, s. 346]. Прагер вспоминал, что во время прогулок во дворе заключённые ходили вокруг некой конструкции, выглядевшей как виселица, которая «была реквизитом в войне нервов» [4, s. 381]. В запросе депутатов от партий «Центролева» приводились некоторые высказывания Костек-Бернацкого: «Вы оскорбили моего вышестоящего так, будто вы оскорбили меня самого, я мог бы приказать вас тут у стенки расстрелять и никто бы мне слова не сказал»; «... все арестованные завясят от приказа маршала Пилсудского и только приказ маршала Пилсудского решит их судьбу» [6, s. 37–38].

Крайним проявлением морального террора стали инсценировки казни, что описал Либерман. Ему и его сокамернику Попелю было приказано выйти из камеры без личных вещей, заявив дословно: «Вам уже ничего не будет нужно». Заключённых отвели в тёмный каземат, в котором они слышали звуки выстрелов в соседних помещениях. И это, по свидетельству Либермана, «нас утвердило в убеждении, что, видимо, расстреливают наших товарищей». Тюремщики приказали Попелю вернуться к стене, а Либерману выйти вперёд.

«Высокий плечистый жандарм приблизился ко мне, – вспоминал автор мемуаров, – и, о чудо, вместо того, чтобы стрелять в меня, начал обыскивать». Попеля «больше всего ... потрясла ... тишина, ведь он представлял себе, что, видимо, смерть мне причиняли совершенно исключительным способом, не с помощью револьвера, а отравленной иглой, введённой мне в шею». Обыск в полной тишине «имел цель привести в ещё больший ужас повернутого к стене Попеля и умножить его муку ожидания смерти. <...> Мы оба были в последней камере, в которой проводилась комедия экзекуции» [2, s. 304–305], – заключал Либерман.

Морально давили на заключённых постоянные обыски. «Они всегда проходили ночью. Нас переводили в подвал или казематы, закрывали каждого в отдельной камере, приказывали раздеться догола и встать лицом к стене. Через секунду входил жандарм. Обычно начиналось с криков и ругани... Создавалось настроение угрозы. Из-за двери были слышны крики и стоны, а временами выстрелы» [4, s. 386], – вспоминал Прагер. Тюремщики постоянно нарушали сон заключённых, например, за то, что «брюки на табурете были плохо положены». «Ложась спать каждый день, мы повторяли себе вопрос: что этой ночью наши надзиратели придумают?» [2, s. 305], – вспоминал Либерман. Заключённых внезапно и без объяснений переводили из одной камеры в другую, специально вместе сводились заключённые противоположных политических взглядов.

Разговоры Костек-Бернацкого и других офицеров с заключёнными нередко носили провокационный или издевательский характер. «Вы видный лидер пролетариата, а после вашего ареста хотя бы одна рабочая рука поднялась? Или хотя бы одна фабрика в вашу защиту объявила забастовку? Вы всеми покинуты» [Там же, s. 303], – говорил комендант Либерману. Прагеру было заявлено: «Когда Пан Маршал создал ППС, ведь не знал, что вы так его подведёте», хотя Пилсудский не был основателем партии, а вышел на политическую арену благодаря ей. Заместитель коменданта презрительно отозвался о сокамернике Прагера Витосе: «Хам, которому захотелось править» [4, s. 391–392]. На изменение Витосом решения относительно участия в выборах Костек-Бернацкий съязвил: «Это, наверное, Либерман пана обработал. Это стыд, чтобы пан слушал еврея» [2, s. 310].

Тяжёлыми были бытовые условия заключённых. О камере и её обстановке Витос вспо-

минал: «Это было душло пять шагов в длину, три шага в ширину и около трёх метров в высоту. Обстановку её составляли две железные кровати, поставленные одна над другой, два деревянных тюремных табурета, ведро для отходов и нечистот, сломанное и никогда не закрывающееся, эмалированная кружка для воды, большой эмалированный кувшин, котелок погнутый и поломанный, ложка и плетельница. На стене около двери висел специально приготовленный регламент». Жёсткие, набитые несвежей соломой матрацы и подушки, грязные одеяла не спасали от холода в камере, в которой дверь не соответствовала дверному проёму, и в камере был постоянный сквозняк [3, s. 341–343]. Прагер предположил, что «грязь, несомненно, не являлась следствием тюремной рутины, а была преднамеренно срежиссирована» [4, s. 378].

Скудным и некачественным было питание заключённых. До 9 ноября рацион питания был «специально рассчитан на их голодание и не соответствовал никаким в этом отношении правилам, ни прежним обычаям», им также отказывали в праве получать продовольственные порции, что мотивировалось тем, что «порции питания, получаемые заключёнными, достаточные» [6, s. 36], – говорилось в запросе депутатов левых и центристских партий. «Невыносимый голод», по воспоминаниям Прагера, был явлением, с которым постоянно сталкивались заключённые: «Обед без какой бы то ни было питательной ценности заполнял на короткое время желудок и вызывал пресыщение. Но уже через каких-то два часа появлялся голод, который нечем было удовлетворить» [4, s. 381]. Витос сообщал подробности о рационе для заключённых: давалась «четверть солдатского хлеба на весь день», завтрак состоял из «пол-литра тёплой воды из отвара каких-то трав, очень слабо посоленного», на обед давалось «немного толчёного картофеля, временами суп из кормовой свёклы, иногда варёная морковь, фасоль с какой-то коричневой жидкостью, два раза в неделю сырая свёкла, раз в неделю немного капустного супа, необычайно жидкого, иногда ячменную или гречневую кашу, часто похлёбку, сделанную из картофеля и воды, все это с неприятным запахом. В воскресенье давалось немного мяса, брошенного в суп очень неприятного вида. Чистота этого питания оставляла желать много лучшего, во всём был песок и земля... Большинство заключённых на первых порах не могло это есть, выбрасывая это в ведро» [3, s. 341–343].

Костек-Бернацкий в отчёте Пилсудскому писал: «Из-за опасения, что некоторые арестованные с заметной анемией не подверглись каким-то болезням, которые вынудили бы меня отдать их в больницу, вношу предложение, чтобы позволить арестованным покупать хлеба, 400 грамм ежедневно, а также масла или сахара, 50 грамм ежедневно» [7, s. 206]. Спустя два месяца заключения рацион был удвоен, и ежедневно давалось мясо [3, s. 343]. Это привело к расстройству желудка заключённых, о чём врач сказал Прагеру: «Все сейчас болеют. Пищевод отвык от переваривания постоянной пищи» [4, s. 399].

О состоянии здоровья заключённых заботился тюремный врач, который не был в состоянии оградить болевших от издевательств и работ. Витос считал, что он был «неслыханно внимательный и совестливый, заботился о заключённых и лекарствах» [3, s. 356–357]. Прагер из наличия врача в тюрьме сделал вывод, что Пилсудский «не желал, чтобы в этом лагере кто-то умер, например, посредством неумелого дозирования неприятностей», из чего следовало, что официально «нам не грозит внезапная смерть» [4, s. 391]. Либерман доверил врачу секрет об избииении в дороге, и после десятидневного лечения смог встать с постели [2, s. 303].

В отчётах Пилсудскому Костек-Бернацкий передавал содержание подслушанных разговоров заключённых в камерах. Барлицкий критически высказывался о Пилсудском как военачальнике. Мастек в камере рассуждал о планах Пилсудского: он «заклучил нас, чтобы мы не мешали ему, он хочет сделать себе легальное большинство, и тогда прикажет им изменить положение о выборах и конституцию, как сам захочет. ... А если он не сможет собрать большинства, то снова сейм разгонит и оппозицию заклучит». «Витос не говорит сейчас почти ничего. Более всего “многословен” Мастек» [7, s. 200, 205], – резюмировал Костек-Бернацкий.

В Бресте заключённые оказались в полной изоляции от внешнего мира. Они, как подчёркивалось в депутатском запросе левых и центристских партий в Сейм, «не известным ранее в судебной практике образом были полностью отделены от мира, и им не позволялось общаться не только с адвокатами, но и с ближайшими членами семей, хотя они чувствовали себя при смерти, об этом просили как доктор Либерман, так и депутат Корфанты» [6, s. 35]. Костек-Бернацкий отчитывался перед

Пилсудским: «Всем попыткам извне о свиданиях с арестованными отказываю. В частности, сегодня были по этому делу у меня жена Прагера и жена Керника, прибывшие автомобилем из Варшавы. Никакой информации никому не предоставляю, заказные письма и посылки арестованным возвращаю отправителям» [7, s. 199]. «Мы не имели ни малейших сведений о том, что в мире делается», – свидетельствовал Либерман. Посылки от семей и друзей принимались, но одним не передавались и были получены только после освобождения, другие получали только отдельные вещи [2, s. 318; 11, s. 383]. Узники были исключены из предвыборной кампании, имея только возможность подать заявление о согласии или отказе баллотироваться. Только получив позволение баллотироваться, Либерман узнал, что предвыборная кампания идёт. Витос первоначально отказался баллотироваться, затем изменил своё решение. Прагер же отказался баллотироваться, и ему сразу же было позволено написать заявление [2, s. 309–310; 3, s. 396–397].

Следствием испытаний стала ломка воли части заключённых. Костек-Бернацкий доносил Пилсудскому: «Наиболее трусливый Барлицкий, при хорошем утрашении он может также был бы склонен к уступкам», Багиньский характеризовался как «совершенно сломленный наказаниями и внешне сокрушённый», Путек «так запуган, что охотно бы продался за освобождение, даже напоминал мне о том» и доложил, что «хочет работать для правительства». Савицкий же заявил, что «никогда не выступал враждебно против Пана Маршала, а его антиправительственная деятельность имеет личный характер. В полицию якобы не стрелял. Объявляет о своём вступлении в ББ[ВР] и обещает работать для правительства, если создать ему условия для этой работы». Квятковский заявил, что уже год не является членом СН и «не хочет к ней принадлежать, а занимается только бизнесом» [7, s. 196–197, 198–199, 204].

Лишь после завершения парламентских выборов в конце ноября судья Демант вынес постановление о возможности освобождения. В случае Витоса оно выглядело следующим образом: «...приняв во внимание, что из-за того, что целый ряд важнейших следственных действий, касающихся обвиняемых, уже выполнен, что в отношении вышеизложенного пребывания обвиняемого Витоса на свободе не может негативно повлиять на дальней-

ший ход следствия..., постановил... как новую превентивную меру в отношении Витоса Винценты избрать временный арест до внесения залога в размере 10000 злотых» [3, s. 360]. При сообщении об этом Прагер полушутливо заявил: «в принципе это очень хорошо, но что касается меня, то я собираюсь жить тут постоянно, поскольку у меня нет денег на залог. Пожалуй, что его снизят до 100 злотых». На это судья Демант серьёзно ответил, что, принимая во внимание тяжесть преступления, «снизить залог не может», но за юристов залог внесёт адвокатская рада Варшавы [4, s. 399]. После этого значительно была ослаблена жёсткость режима, прекратились обыски, улучшились условия «административно-хозяйственных работ».

23 ноября заключённые были перевезены в два следственных изолятора в Варшаве и в один в её окрестностях. С этого момента отношение к ним резко изменилось. Прагер вспоминал о приёме заключённых начальником варшавского изолятора: «В его канцелярии большой стол был накрыт белой скатертью, стояли тарелки, ножи и вилки, на блюдах были копчёности, сыры, масло, две бутылки вина. Принесли чай. Когда Керник это увидел, разрыдался, и мы еле смогли его успокоить. Мастек бросился на начальника и начал его душить в дружеских объятиях» [Там же, s. 401]. В других изоляторах заключённые были приняты по правилам. Условия недолгого пребывания в следственных изоляторах резко контрастировали с брестскими. «Камеры были большие, удобные, светлые, в моей была печь, а около неё лежащие дрова для обогрева. Кровати удобные, постельное бельё свежее и новое, намеренно для нас заправленное» [2, s. 321], – вспоминал Либерман. Помещённый в изолятор под Варшавой Цёлкош свидетельствовал, что «отношение в тюрьме в Груйце было соответствующим действующему тогда тюремному регламенту» [8, s. 140]. Оказавшийся в этом же изоляторе Либерман вспоминал: «Тюремный персонал с директором груецкой тюрьмы во главе был к нам в высокой степени человечным, точно, впрочем, проинформированный о том, что мы в Бресте пережили» [2, s. 321]. Через несколько дней нахождения в изоляторах арестованных начали выпускать под залог, что завершилось в декабре. Испытания сказались на состоянии здоровья узников: Либерман потерял в тюрьме в весе 11 кг [Там же, s. 302], а Прагер – 9 кг, он после освобождения «сразу лёг в постель и не вставал в течение трёх недель» [4, s. 401].

Следствие продолжалось и после освобождения заключённых, по итогам которого прокуратура привлекла к суду 11 человек. Либерман, Дюбуа, Мастек, Прагер, Цёлкош, Багиньский, Путек, Савицкий, Витос и Керник обвинялись в том, что «по взаимному согласию и действуя сознательно, совместно готовили переворот, целью которого было устранение силой членом осуществляющего власть в Польше правительства и замещение их другими лицами без принципиального изменения государственного строя» [6, s. 51]. «Брестский» процесс в Варшаве продолжался с 26 октября 1931 г. до 13 января 1932 г. Никто из обвиняемых не признал себя виновным, но девять из них были приговорены к тюремному заключению на срок от 1,5 до 3 лет, а Савицкий оправдан. Один из судей, С. Лещинский, высказал особое мнение, заявив о невиновности обвиняемых. Апелляционный суд в 1933 г. ужесточил приговоры, после чего Либерман, Прагер, Витос, Керник и Багиньский, а также Корфанты в 1935 г., против которого велось отдельное следствие, покинули страну, вернувшись в первой половине 1939 г. Остальные осуждённые отбыли наказание по приговору в Польше. После разгрома Польши Германией 31 октября 1939 г. в эмиграции в Париже новые польские власти амнистировали всех осуждённых [Там же, s. 399–400], а специальные комиссии начали расследование нарушений санационными властями закона в «брестском» деле.

Ответственность за незаконный арест и содержание в военной тюрьме гражданских лиц, несомненно, лежит на санационных властях и лично Пилсудском как инициаторе всего дела. Ответственность за издевательства в тюрьме менее очевидна. С одной стороны, на жёсткости отношения к заключённым настаивал, не оговаривая её рамок, Пилсудский. С другой стороны, испытания, выпавшие на долю заключённых, были следствием служебного рвения Костек-Бернацкого в выполнении указаний Пилсудского, а подчинённые ему офицеры в насилии над заключёнными шли дальше своего начальства.

Список литературы

1. Popiel K. Od Brzescia do „Polonii”. L., 1967. S. 17.
2. Lieberman H. Pamiętniki. Warszawa, 1996.
3. Witos W. Moje wspomnienia. Część II. Warszawa, 1990.
4. Pragier A. Czas przeszły i dokonany. L., 1966.

5. Składkowski F. S. Strzępy meldunków. Warszawa, 1988.

6. Sprawa brzeska. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1987.

7. Cichoracki P. Dokumenty dotyczące pozbawienia wolności polityków opozycyjnych w wojskowym więzieniu w Brześciu nad Bugiem latem i jesienią 1930 r. // Dzieje Najnowsze. 2008. Nr 4.

8. Garlicki A. Piękne lata trzydzieste. Warszawa, 2008.

9. Gazeta Polska. 1930.

10. WIP. Wszystkie Stronnictwa. Nr 36/165. 1930. S. 335–337.

11. Cichoracki P. Droga ku anatemie. Wacław Kostek-Bernacki (1884–1957). Warszawa, 2009.

12. Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. T. II. 1914–1939. Warszawa, 2000.

About the figures of the Polish opposition being the Brest military prison

There are described the situations when the figures of the Polish opposition were put into the Brest prison, stayed there and were released from it in the period of the election campaign in September-October of the 1930.

Key words: *history of Poland, sanacjaregime, political parties.*

(Статья поступила в редакцию 19.01.2016)

